

НОВАЯ МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

ТАТЬЯНА УСТИМЕНКО

СКАЗКИ КРУГОВЕРТИ

ПРАВО УЙТИ

Татьяна Устименко
Сказки Круговерти. Право уйти
Серия «На страже двух миров», книга 4

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8379270

Сказки Круговерти. Право уйти : [фантастический роман] / Татьяна Устименко. : АСТ; Москва;

2014

ISBN 978-5-17-086940-4

Аннотация

Это сказка дороги. Временами грустная, временами веселая. Иногда дерзкая, иногда нежная. Сказка о дружбе и любви, о долге и чести, о вражде и ненависти... Еще одна дорожная история, из тех о которых слагают баллады и которые так хорошо рассказывать ночью у костра. Кто-то будет слушать в захлеб, а очевидцы скажут, что все было совсем не так. Но ведь на то она и сказка. И сплетутся в причудливый узор тень и свет, выдумка и правда, огонь костра и ночь, тишина и песня менестреля... Менестреля по имени Смерть.

Содержание

Пролог	5
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	27
Глава 4	36
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Татьяна Ивановна Устименко

Сказки Круговерти. Право уйти

© Т.И. Устименко

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Пролог

В этом году озорница-осень пришла в город необычайно рано, мастерски расцветив клены, испокон веков обрамляющие главную площадь Далеграда. Яркие резные кроны многоцветьем горели на фоне пока еще ясного неба. Нежаркое октябрьское солнце ползло к земле. Несколько широких листьев, подхваченных расшалившимся ветром, залетели в давно высохший фонтан и принялись играть в догонялки, так бестолково кружа по дну, словно стремились привлечь взгляд одной весьма странной личности, впрочем, не обращающей на них ни малейшего внимания. Интерес листьев объяснялся просто, ибо на шершавом сером бортике сидела совсем молоденькая девушка, красно-рыжим цветом волос не уступавшая соседним деревьям. Короткая встрепанная шевелюра казалась громадным кленовым листом, увенчавшим ее голову. Тонкие пальцы перебирали струны старенькой девятиструнной гитары. Слушателей не было, но певицу это, кажется, совершенно не смущало. Мене-стрелька негромко, но оттого не менее отчетливо, завела очередную песню:

Своей гордыней ослеплен,
Разумных слов глупец не слышит.
Быть правым может только он —
И так живет, и этим дышит.
Отбросив факты в пустоту,
В неправой сделке губит совесть.
И как опавшую листву
Сжигает чьей-то жизни повесть.

В доме напротив фонтана хлопнула дверь. Медная вывеска в виде глаза глухо брякнула по темным доскам. Барон Тарница вышел, а точнее – выскочил на улицу, пребывая вне себя от гнева. Два месяца он ждал аудиенции у лучшей ясновидящей Далеграда лишь для того, чтобы она повторила изречение, уже многократно слышанное от ее собратьев по ремеслу: младенец мужеска пола, нареченный Эданом, – есть родной сын господина барона и его безвременно скончавшейся второй жены, баронессы Эвелины. Не нагулыш, не ошибка природы, не подменный подкидыш (как предпочитал думать сам господин барон), а родной, законный и единокровный сын!

Нет, Йозеф Тарница никак не желал с этим мириться. Его сын не может быть рыжеволос! Ну и что, что не перенесшая родов супруга обладала медово-медными локонами! Ведь старший сын господина барона от первого брака, тоже, к несчастью, завершившегося смертью дражайшей половины, унаследовал черты отца. Кровь рода Тарница всегда оказывалась сильнее крови приходящей.

Над площадью плыл грустный мелодичный напев, непонятно к кому обращенный. Звонкий девичий голос отчетливо разносился в прозрачном осеннем воздухе.

Но рок, верша свою волшбу,
В лицо колодой карт швыряет.
Мы платим жизнью за судьбу —
Иль судьбой за жизнь, кто знает?
Пытаемся за Грань уйти,
Ведь что творим, не понимаем.
И вместо верного пути
Все бездорожье выбираем.

Барон невольно обернулся на звук. Молоденькая менестрелька, сидевшая на бортике фонтана, лениво перебирала струны. Слушателей вокруг не наблюдалось, и девушка играла, кажется, исключительно для себя. Тарница брезгливо поморщился и зашагал вниз по улице. Развелось бродячих певцов, словно собак нерезаных, и каждый норовит записаться в пророки...

Правда, госпожа Эола, прозванная Глядящей Сквозь Время, оказалась единственной, кто рассказал Йожефу о дальнейшей судьбе его сыновей, и услышанное барону не понравилось... Ломкий, звонкий голосок, летевший в спину, заставил его ускорить шаг. Присутствовало в этой песне что-то тревожное.

Клубок из впечатлений дня —
Пути, подвластные немногим.
Лишь в неизвестность уходя,
Мы сможем расплести дороги.
Куда же совести приказ
Нас приведет, мой друг, с тобою?
Ведь мы, рискнув в сто первый раз,
Опять поспорили с судьбою.¹

На противоположном конце площади, прислонившись спиной к старому клену, стоял мужчина. Плотный темный плащ хорошо скрадывал фигуру, скрывая от любопытных взоров почти все подробности его внешности. Видно было только, что он не толст и довольно высок.

И вот что удивительно, в этом городе сей господин очутился как раз по воле того самого случая, о котором только что пела прозорливая менестрелька. Путешествовал он инкогнито, на постоянных дворах назывался каким-нибудь моментально придуманным прозвищем, а настоящего имени его за давностью лет уже никто не помнил. Сам же он предпочитал называть себя Гадесом и, однажды поставив себе цель обрести силу некоего всеми забытого древнего божества, уже не сворачивал с этого пути, справедливо полагая, будто волен властвовать не только над временем, но и над посмертием. К счастью или несчастью, дальше заимствования оногo имени дело у него до сих пор не шло. Заметив рыжую певичку, он гадливо передернул плечами, словно увидел нечто особенно противное. Затем перевел взгляд на идущего через площадь барона Тарницу... Вот тот, кто ему нужен. Гадес криво усмехнулся. И так, пришло время ему начать свою игру...

Духовные опоры этого мира, такие как честь, совесть и добро, давно подгнили – это Гадес понял еще тогда, когда рухнула Граница и разразилась грандиозная кровавая смута, вошедшая в историю как Война Двух Миров. Хотя нет, все начиналось отнюдь не так...

Когда-то, на заре времен, миром правили те, кто после жил лишь в сказках: стихии, духи, эльфы и множество иных древних существ, пришедших в наш мир тысячи лет назад, куда раньше людей. Эти Древние расы питали магию, они являлись основной ее частью, они творили – и мир жил. Но после них появились люди. Люди – мятущиеся души, последыши, подвластные коварству и порокам, жаждущие все перекроить под себя...

Магии им показалось мало, и человеческий мир принял иные законы – создал себе нового бога, как зеркало отражавшего их самих. Люди отринули магию своего мира, а вместе с нею и тех, кто ее хранил. Новая религия, словно лесной пожар, охватывала все больше и больше земель. Люди безжалостно переиначивали мир под себя. Все, что не вписывалось в рамки новой веры, яростно стиралось. Магия, пронизавшая само существо мира,

¹ Здесь и далее стихи автора.

начисто вымарывалась, словно строки из запретных книг. Равновесие добра и зла пошатнулось. Чтобы спасти то, что еще оставалось от их бытия и души, Древние расы решились на рискованный шаг и разделили мир надвое – скрывшись от человеческих взоров. Так возникла незримая энергетическая Граница – непрозрачная стена, на долгие столетия скрывшая магию и её хранителей от людей. Но такое решение оказалось палкой о двух концах. Магия, текущая в мире подобно крови, не горела, а едва теплилась, с каждым днем грозя угаснуть окончательно. Те, кого некогда величали богами, утратили интерес к окружающему, разжирились, обленились, и потребовалась недюжинная встряска, чтобы расшевелить их, заставить снова что-то делать. Так и случилось...

Шел 1985 год от рождества Христова. Граница, воздвигнутая некогда Древними, пала по недосмотру обленившихся богов – явив миру тех, кто так долго скрывался от людских глаз... И тогда грянула война, которой ещё не знало человечество. Война Двух Миров. Магия схлестнулась с пулями и напалмом, заклятия оказались не менее действенными, чем пулеметные очереди. Триста лет длилось безумное противостояние, но не было в нем ни победителей, ни побежденных. И вот летом 2285 года измотанные бессмысленной войной стороны заключили перемирие. Но миру уже не было суждено стать прежним. Магия, будто река, которую много лет сдерживали плотиной, хлынула в старое русло, смывая смертную пыль и вливая в опустевшие вены новую жизнь. Война перекроила привычную географию. Границы прежних государств стали несущественны, все – кроме тех, что ныне разделяли Территорию древних, Нейтральную зону и Человеческие земли.

Но, похоже, той кровопролитной встряски оказалось недостаточно, и история вновь пошла по кругу... В мир снова вернулось зло! Гадес, размышляющий о сущности бытия, негодуяюще сжал кулаки. Ту женщину, что научила его любить, безжалостной волной накрыла и утащила война. Война, которой можно было избежать, если бы первоначальные творцы мира, называемые Столпами Стихии, прислушались к его словам. И тогда, похоронив любимую, он взошел на Асов курган, место упокоения величайших героев прошлого – павших в Войне Двух Миров, и поклялся, что не допустит повторения этого ужаса... Не допустит любой ценой! А теперь он вынужден наблюдать, как с каждым годом приближается новая катастрофа, ибо все меньше оставалось в этом мире созидающей энергии, все меньше творилось того, что некогда называли *чудесами*. О да, Гадес – Хранитель Времени – чувствовал этот необратимый процесс всем своим естеством. Но если грядущее светопредставление невозможно предотвратить, то нужно хотя бы сделать его контролируемым. Заставить божественных лежебок расшевелиться и при этом дергать за ниточки их противника... Хранителю времени срочно понадобился послушный исполнитель сего действия, и, кажется, он его нашел, ведь сейчас искомый посредник как раз проходил мимо облюбованного Гадесом клена...

– Господин Тарница, если не ошибаюсь? – негромко окликнул он барона, выходя из-за дерева.

– Ну? – набычился барон, совершенно не стремившийся к общению неизвестно с кем.

– Кажется, визит к провидице совсем вас не порадовал, – прозорливо усмехнулся Гадес. – Да и кому приятно услышать, что его любимое чадо сляжет, едва достигнув двадцати лет, и возможно, ужас-то какой, даже умрет.

– Кто вы такой? – начал звереть Тарница. – Откуда вам это известно?!

– Вы можете звать меня Гадес. А известно мне не только это. Еще, например, ведомо, что у вас имеется и младшенький сынок, коего вы никак не решитесь признать своим...

– И чего? – господин барон неприязненно рассматривал странного собеседника. На вид лет тридцать, хотя черт его знает, глаза-то колючие стариковские, или... наоборот, восторженно-юношеские? Тарница озадачено потряс головой и вновь уставился на вежливо улы-

бающегося Гадеса. Да нет, обычные глаза, цвета зимнего неба в погожий январский денек, и такие же холодные, даже, пожалуй, слишком, бр-р-р...

– А то, что я могу помочь вам избежать предсказанных неприятностей, – странный собеседник многообещающе улыбнулся. – А для предотвращения несчастья мне всего-то и нужен этот несчастный, не принятый вами ребенок...

Подобное предложение повергло Йожефа в некоторую растерянность, но ненадолго. Избавиться от бастарда (а в том, что этот младенец бастард, он не сомневался) – что может быть лучше?

– Забирайте, – буркнул он.

– О. – Гадес удовлетворенно потер руки. – Заключим сделку. Как только придет назначенное время и бастард достигнет принятого в ваших местах возраста совершеннолетия, я заберу мальчика, а взамен ваш старший сын останется жить.

– Отчего бы вам не забрать этого ублюдка немедленно? – сварливо осведомился барон.

– Увольте, друг мой, зачем мне грудной младенец? – в притворном ужасе замахал руками Гадес. – Теперь выбор только за вами.

Тарница недобро прищурился. Еще шестнадцать лет терпеть этого ребенка в своем доме... Ну, если только ради благополучия Кристофа!

– Ладно, – нехотя согласился он. – Заключим сделку.

– Надеюсь, вы пригласите меня в дом? Подписывать подобные договоры на улице – дурной тон. К тому же мне понадобятся бумага, чернила и непосредственно предмет сделки. Или вы думали, что я потребую от вас крови? – насмешливо заломил бровь собеседник.

Кстати, именно об этом Тарница и подумал, но виду не подал...

– Кровавые подписи есть не более чем глупая выдумка авторов дешевых мистических романов, столь популярных среди смертных. К тому же я не против пропустить стаканчик вина за удачную сделку, – продолжая городить прочую нагловатую чушь, Гадес думал о своем. К шестнадцати годам из несчастного ребенка выйдет отличная заготовка с прекрасным сочетанием страха, злобы и ненависти. Насколько он успел рассмотреть барона, тот не поспешил на пинки и щипки нелюбимому чаду, и Гадес получит хороший материал для будущей марионетки. А направить всю скопившуюся злость в нужное русло станет делом техники, как и подбросить мальчишке идею дальнейших действий. Он ухмыльнулся своим мыслям. О да, это заставит богов расшевелиться! А когда все будет исполнено, куклу уберут в сундук...

– ...может, стоит и нам вмешаться?

– Тебе бы только вмешиваться! Знаю я вас, молодых да ранних!

– Пусть все идет своим чередом!

Сия незамысловатая перепалка происходила неподалеку от того самого места, где ещё недавно Гадес разговаривал с бароном. Три женщины, стоя под старым разлапистым кленом, спорили о прошлом, настоящем и грядущем. Самая старшая, чьи волосы уже посеребрила седина, сердито глядела на самую младшую, чьи тугие золотистые косы подобно двум толстым змеям спускались на грудь.

– Пусть все идет своим чередом, – веско повторила средняя, примиряющее вставая между двумя рьяными спорщицами.

– Как мы можем вмешаться, если у этого младенца ещё и прошлого-то толком нет! – ворчливо отозвалась старшая.

– Если мы не вмешаемся, то у него и будущего не будет, – сварливо огрызнулась младшая, не спеша примиряться.

– Зато у него имеется настоящее, в котором он плачет, пачкает пеленки и хочет есть! – вновь оборвала её средняя. – А в его судьбу и без нас найдется кому вмешаться.

– Только не говори, что эта рыжая пигалица и здесь сунет свой курносый нос, – старшая женщина недовольно поморщилась. – Она и так уже довольно путала нашу кудель!

– Прясть надо тоньше, вот тогда и не сунется Слепая Гостья наши орехи расплетать, – раздраженно огрызнулась миротворица. – Пусть все идет своим чередом. Ведь сколько веревочке ни виться...

И все трое многозначительно усмехнулись, спрятав в уголках губ конец этой старинной фразы. Три сестры, три старшие норны², медленно истаяли в прозрачном осеннем воздухе.

– Нет, ничего нельзя изменить. Что спрядено, то спрядено, – недовольно поджав тонкие старческие губы, думала справедливая Урд, ибо она отвечала за прошлое всех и вся.

– Ничего, я ещё поборюсь за его будущее! – ожесточенно размышляла упрямая Скульд, ведь она ведала грядущим.

– Пусть все идет своим чередом, – решила добросердечная Верданди, тепло улыбаясь своим мыслям, потому что лишь она распоряжалась нашим настоящим.

² Норны – в германо-скандинавской мифологии три женщины, волшебницы – наделенные чудесным даром определять судьбу мира, людей и даже богов. Хранительницы мирового равновесия.

Часть первая

О вреде и пользе заключения договоров

Глава 1

Тусклый свет восходящего солнца вяло пробивался в комнату сквозь плотные портьеры, еще больше усиливая гнетущую атмосферу, царившую в спальне. Мастер демонолог, досточтимый мэтр Хельги Криэ, осторожно, чтобы не потревожить ран, подтянулся на постели, помогая себе свободной от повязок левой рукой. Правая рука, грудь и лоб скрывались под бинтами, пропитанными заживляющей мазью. В комнате тяжелой пеленой висел запах лекарств. Пожалуй, не стоило соглашаться на тот сомнительный заказ... Едва ли не впервые поправ свою привычку – не зная брода не соваться в подозрительные склепы, он чуть не поплатился жизнью. Выручили многолетняя практика и проверенный напарник, уже не единожды составлявший заклинателю компанию в подобных сомнительных предприятиях. Но, как говорится, хорошая мысль приходит опосля. И теперь в архив Высокого дома Скрипто, куда он предпочел бы наведаться лично, придется отправиться так и норовящей впутаться в неприятности Иленке и ни черта не понимающему в магических делах Энгарту. При всех своих достоинствах, ни в чем колдовском, кроме оружия для охоты на демонов, напарник Хельги не разбирался.

Возле кровати, ожидая последних указаний мэтра, стояли черноволосая девушка и кряжистый мужчина средних лет. Аккуратно подстриженная русая борода обрамляла широкое симпатичное лицо.

– Пап, может, я лучше останусь? – участливо спросила девушка, присаживаясь на край кровати. – Мастер Энгарт и сам может съездить.

– Нет, – Криэ отрицательно покачал головой и тут же поморщился. – Скрипто знают тебя, а Энгарта увидят первый раз в своей жизни. К тому же ты хотя бы относительно представляешь, что следует искать в их бумажных залежах. Документы, касающиеся территории пустыря, нужны мне как можно быстрее, пока градоправитель не начал это чертово строительство! – по щеке демонолога заструился пот. – Считай, что это твоя преддипломная практика. Так ведь, Энг?

– Думаю, что после грядущей поездки ее обучение у меня можно будет считать законченным, – усмехнулся в усы мужчина. Гениального мечника за несколько лет тренировок из Иленки так и не вышло, но для необходимой самообороны хватит, а уж для того, чтобы успокоить излишне ретивую нежить, и подавно.

Хельги нахмурился, вспоминая, что послужило толчком к планируемому путешествию за тридевять земель. Запланированное градоправителем строительство уже давно сидело у господина демонолога в печенках, вместе с расфуфыренным главой города и его неизменным посыльным, время от времени появлявшимся в доме Криэ...

– Вот... и хорошо. – Хельги облизнул пересохшие губы, пытаясь удержать ускользающее сознание. – У нас три недели в запасе, но лучше бы вам поторопиться. Надеюсь, за это время я полностью поправлюсь...

– Договорились. – Иленка успокаивающе погладила отца по руке. – Выздоровливай, мы скоро вернемся.

Хельги дождался, пока за гонцами закроется дверь, и обессиленно сполз на подушку. Клинок в ножнах у изголовья недовольно задрожал, показывая, какого он мнения обо всем этом.

– Да ладно тебе каркать, – пробормотал демонолог, чуть повернув голову в сторону оружия, – все будет в порядке.

Меч, конечно же, ему не поверил, издав звук уж больно напоминавший саркастическое фырканье.

– Ну и пес с тобой... – буркнул Хельги, окончательно проваливаясь в лихорадочное забытьё...

* * *

Две недели спустя...

Изнывая от жары под раскаленными лучами злого июльского солнца, истекая реками пота и ежесекундно прикладываясь к фляге с водой, по дороге на славный город Далеград, который находится на территории Древних рас, чуть сутулясь под тяжестью ноши, загребая разношенными сандалиями мягкую горячую пыль, брела... Смерть.

Только вот вряд ли кто-то признал бы Слепую Гостью, ибо не было при ней ни черного полуистлевшего балахона, ни зазубренной косы; да и на выбеленный временем скелет с ядовито-зелеными огнями в глазницах она походила слабо. Куда больше она смахивала на милостивую девушку-подростка лет шестнадцати, худенькую и красно-рыжеволосую, с конопушками на курносом носу и огромными, чуть наивными синими глазами. Но не стоило обманываться этим милым обликом – по дороге шла самая настоящая Смерть. И то, что Ступающая Неслышно в реальности оказалась весьма далека от фольклорных о себе представлений, совершенно ее не заботило, а напротив, играло на руку. За плечами у нее, в черном матерчатом чехле на широких ляшках, болталась гитара, ставшая в такую жару непосильной ношей и жегшая спину не хуже адского пламени.

Люди звали ее по-разному: Слепая Гостья, Госпожа Смерть, Бледная Дева (однако вряд ли кто-то рискнул бы назвать ее бледной, столкнись они нос к носу). Сама же она предпочитала имя Арьята, пусть оно и досталось ей по ошибке. Но ни случайный крестный, ни сама крестница ничуть не возражали против сего маленького недоразумения, решив оставить все так, как есть.

Шагах в четырех перед нею, взбивая пыль рифлеными подошвами сапог, бодро вышагивал верный ее Поводырь – высокий, ладно сложенный мужчина лет двадцати семи – тридцати, в черной безрукавке и таких же штанах. За плечами у Поводыря болтался выдавший виды тощий пятнистый рюкзак. Светлые, стального оттенка волосы были заплетены в косу, свисавшую вдоль рюкзака чуть не до копчика. Длинная челка, разделенная на две пряди и оплетенная красной тесьмой, эффектно обрамляла узкое загорелое лицо.

Завистливо поглядывая на него (вот ведь циркуль длинноногий – жарит как в преисподней, а ему хоть бы что!), Арьята возмечталась, чтобы данный субъект послужил не только ее Поводырем, но и Извозчиком, а точнее, Износчиком тоже, о чем не замедлила ему сообщить. В ответ на такое предложение Поводырь ехидно заметил, что тут его и похоронят, погребенного под смертной тяжестью. А посему Смертушке ничего не оставалось, кроме как топтать ножками самостоятельно. И ножки вовсю поносили свою нерадивую хозяйку за такое непотребное с ними обращение, обещая после следующего привала отказать вообще.

Вскарабкавшись вслед за Поводырем на холм, Арьята знаком потребовала остановиться и, упершись руками в колени, тщетно пыталась восстановить сбившееся дыхание. Горячий воздух противно царапал пересохшую гортань. Девочка с надеждой приложила к горлышку фляги и жадно выхлебнула оставшиеся полтора глотка тепловатой воды, вытрясая в рот последние капли.

– Дождя... – жалобно просипела она, – хочу дождя... Причем его должно излиться много, можно даже с громами, молниями и наводнением, иначе изойду на пот, и мир останется без Смерти...

– Разве это так плохо? – иронично усмехнулся Шириган Йонсу, ее верный Поводырь. Он обернулся к своей ведомой, и стало видно, что один глаз мужчины скрыт черной повязкой. Второй же как ни в чем не бывало хитро щурился на заливавшее землю солнце.

– Это с какой стороны посмотреть, – тоном, более подходящим для философского диспута, нежели для дорожной беседы, провокационно заметила девчонка. – Если с моей, то просто отвратительно, а остальные меня не интересуют. Да и тебя жалко... будешь ведь плакать по бедной маленькой Смертушке, безвременно покинувшей своего верного Поводыря. Как-никак почти девятьсот лет вместе... Так будешь плакать?! – она дернула его за оплетенную красной тесемкой прядь.

– Придется взрыднуть, – покладисто согласился Шири, лишь бы вредливая мене-стрелька перестала посягать на святое, – но тихо и недолго, потому что смысла нет оплакивать вечное существо, хоть я к тебе и привязан, *daeni*³.

– У-у-у... злюка! – насупилась Арьята. – И вообще, я устала, пить хочу и меня сейчас солнечный удар хватит, а тебе все равно-о-о... – захныкала она.

– Ма *daeni*, одно твое слово – и мы вернемся в Круговерть немедленно, не стирая подошв, не сбивая ног и не попирая пыльный тракт, бегущий среди поросших вереском могил... – Шири указал рукой на покрытую лиловым кустарником Курганову пустошь, с которой они только что взобрались на холм.

– Нет, – запротестовала Арьята, – ну прилетим мы на крыльях ветра в Круговерть, и что? Ладно ты... снова в карты с Ловкачом резаться примешься или с питомцами Мелисы возиться. В конце концов, хоть с Тарой наругаешься всласть... А я что буду делать? Есть и спать? Скуотища... А я хочу приключений. Дайте мне приключения, немедленно! Так что уж лучше изнуряющий поход во славу скромных нас, чем глухая тоска и безделье... Да здравствуют дороги и путники! – пафосно провозгласила девочка, воздев руку к небесам.

– Аминь, – закончил за нее Шири, начиная спускаться с холма и стремясь отогнать настырную мысль о том, как хорошо было бы очутиться сейчас под сводами родной Круговерти, где царили свежесть и прохлада. Обиталище Смерти, расположившееся аккурат на Грани между пространственными слоями, не зря звалось Круговертью: в зависимости от настроения владелицы поворачивалось оно к живому миру то вычурным замком из серого и бежевого камня, а то мрачными развалинами, на подходе к которым то и дело показывались из гравия выбеленные временем черепа...

Честно говоря, перспективы интересного времяпрепровождения в компании иных коллег, так радостно озвученные Арьятой своему верному Поводырю, самого Шири отнюдь не развеселили. Что толку играть в карты с Ловкачом, если обставить матерого шулера, и к Смерти-то угодившего из-за карт, невозможно. С Мелисой же и ее питомцами все обстояло намного сложнее... Как целительница, до последнего спасавшая чужие жизни во время очередного чумного мора, угодила в Поводыри Смерти, одному небу известно. Кажется, Арьята сама ей предложила, когда та лежала при смерти. И с тех пор Мелиса присматривала за душами погибших детей, которые, попадая в Круговерть, становились очень даже материальными. Но, как ни странно, именно в крыле замка, принадлежащем целительнице, Шири и проводил больше всего времени. Однако сейчас ему требовалась передышка от шумного Мелисиного питомника. А Тара... О да, не поругаться с ней означало – день прошел зря.

³ *Daeni* – обращение к особе женского пола на Старшей речи. Многофункциональное по значению. В зависимости от того, кто и с какой интонацией произносит, может означать и «госпожа», и «любимая», и «сестра». В данном случае наиболее близкий перевод – «сестренка» или «малышка» (*Прим. авт.*).

И место ей, по мнению Шири, было не в Круговерти, а где-нибудь в преисподней. Сейчас Поводырь очень хорошо представлял пресловутую охотницу на предателей, живо гоняющей чертей меж котлов. Он потрянул головой, избавляясь от воспоминаний, и обернулся проверить, идет ли менестрелька за ним. Медленно, но уверенно Арьята плелась сзади.

– Ши-ы-ри... я пить хочу... – тут же заканючила она, заметив, что на ее смертельную особу обратили внимание.

– И чего дальше? – равнодушно осведомился Поводырь.

– Воды бы...

– Daeni, на вершине холма ты допила мою флягу, а твоя опустела еще полчаса назад, – жестко отозвался мужчина.

Смерть, тяжело вздохнув, продолжила ковылять за ним следом, сетуя себе под нос на жестокосердие некоторых отдельно взятых сынов рода человеческого.

За холмом начинался лес. Подвялившиеся под жарким июльским солнцем кроны деревьев застыли в ожидании хотя бы легонького порывчика жаркого суховея, способного медленно, но верно пригнать полные испаренной влаги тучи, гулявшие невесть где и не желающие поделиться накопленным запасом воды. Лес был непривычно тих – вся обычная для такого времени живность либо попряталась в самый непролазный бурелом, лишь бы подальше от жары, либо впала в непривычную дневную спячку.

– Шири, у меня не только самая печальная, но и самая скучная работа в этом грешном мире, – посетовала Арьята в спину Поводырю, чтобы хоть как-то отвлечься от мыслей о воде, – сонное царство, летаргическая империя... Где вал опасностей и приключений, о которых можно рассказать на дружеских посиделках у очага? Где бесстрашные герои, о которых можно сложить баллады?! Эх, жизнь моя, жестянка...

– Daeni, не буди лихо, пока оно тихо, – вкрадчиво посоветовал мужчина. Ибо приключений, до сего дня густым дождем выпадавших на голову неугомонной Смертушки, хватило бы с лихвой не только на целый батальон героев, но и на их потомков до седьмого колена.

Подлесок с шелестом сомкнулся за спинами путников. Едва заметная тропка уходила дальше в лес, под сень деревьев. В воздухе чуть слышно разлился какой-то неясный приторный душок, резко выделяющийся среди обычных лесных запахов. Шири это не понравилось, но сейчас наполнить фляги значительно важнее, нежели принюхиваться непонятно к чему. А тут, если ему не изменяет память, вскоре должна показаться поляна с лесным родником.

Поводырь потянулся к ветвям орешника, чтобы раздвинуть их и выйти на открытое место, но рука застыла в миллиметре от цели, а пальцы сомкнулись на вялой листве...

– Ш-шайтан... – прошипел он, отступая на шаг назад.

Продолжая рассуждать о несправедливости бытия, Арьята врезалась ему в спину.

– Ай... – пискнула девочка.

– Daeni, ведь говорил же... не буди лихо...

Арьята с любопытством выглянула на поляну. Солнце заливало ее ярким светом, из-под корней старого дуба бил родник, а на траве лежало несколько окровавленных тел. Теперь становилось ясно, что это за приторный дух разлился по округе – в воздухе уже отчетливо пахло кровью.

– Ой, – сдавленно ойкнула Арьята.

– Ой, – согласился Шири, – однако вот к чему приводит вовремя неутоленная жажда...

– Нельзя быть таким циничным, – тихо и абсолютно серьезно откликнулась девочка.

Вместо ответа Поводырь просто шагнул на поляну и застыл, будто налетев на невидимую стену.

– Шайта-ан... – простонал он, понимая – среди мертвых тел есть еще живой, но уже умирающий, отчаянно цепляющийся за жизнь и не осознающий, что она уже завершилась. А это грозило появлением очередной неприкаянной души и, как следствие, всевозможными

неприятностями на голову местного лешего и всех, кто рискнет сунуться в лес. Шири, мрачно сплюнув, швырнул в траву болтавшийся за плечами рюкзак и перевязь с мечом.

Арьята отступила на шаг, зная, что именно сейчас произойдет. Находиться рядом с Поводырем в момент перехода на Грань не рисковала даже она...

Шири резко выдохнул, избавляя легкие от воздуха, и почувствовал, как от груди по всему телу острыми иглами расплзается холод и он перестает существовать среди живых; как окутывает его мгла Грани и белесые пальцы сжимаются на рукояти косы. Единственный глаз мертвенной зеленью светился во впалой глазнице...

Умиравший лежал возле родника. Грудь его, перетянутая окровавленной неряшливой повязкой, едва заметно вздымалась.

– Ша-айта-ан! – заунывно выругался Поводырь, понимая, что в живых остался кто-то еще. Ведь перевязали же этого несчастного...

Шири присел возле умирающего на корточки. Мужчина с трудом разлепил глаза и попытался что-то сказать. Когда люди ступают на Грань, они видят то, что живым недоступно. Окровавленные пальцы с недюжинной как для живого, так и для смертельно раненого силой вцепились в черную полуистлевшую безрукавку.

– Защити... учени... помоги... е...

Поводырь ощутив, как чужие пальцы прожигают в груди дыру, попытался вырваться, но не тут-то было.

– Да! – взвыл он. – Сделаю, все сделаю! Отпусти...

Жгущие плоть пальцы разжались, оставляя на безрукавке кровавый след. Шири резко прынул назад и занес косу...

– Прочь от него, погань! – разодрал тишину Грани пронзительный вопль, и что-то грязное, всклокоченное, выскочив из-под корней дерева, словно черт из табакерки, кинулось на Поводыря и сбilo с ног. От неожиданности тот даже не подумал сопротивляться.

– Ты... ты как меня видишь?! – ошеломленно выдавил он, за шкуру отдирая от себя паренка лет пятнадцати и понимая, что видеть его тот как раз и не должен.

– Прочь от него, поганый умри! – завизжал парнишка, и, рванув из наплечных ножен меч, попытался рубануть Поводыря по плечу.

Шири, отшвырнув косу, едва успел перехватить клинок.

– Умри? – удивленно вытаращился он на храброго юношу, догадываясь – его спутали с кровожадной нежитью.

– Не смей его трогать... – надрывался паренек.

Поводырь не нашелся, как нужно ответить, – продолжая недоуменно пялиться на горе-героя и напрочь позабыв, что для живого человека сейчас его прикосновение может быть смертельно. Мальчишка тем временем все больше бледнел. Поводырь, находящийся на Грани, стремительно выкачивал из живого силы, сам того не желая...

Тут Арьята, доселе стоявшая в стороне, решила, что пора вмешаться.

– Ши, да отпусти ты, наконец, этого несчастного! Ему еще жить и жить, а ты мальчишке жизнь укорачиваешь!

Сообразив, что к чему, Поводырь покорно разжал пальцы на воротнике юноши, и тот бездыханным кулем рухнул на траву. Переступив через обморочное тело и подняв косу, спутник Смерти вновь приблизился к умирающему... Тускло блеснуло лезвие, перерезая нить, соединявшую душу и тело. Шири почувствовал, как коснулся щеки легкий порыв ветра, разошлась и сомкнулась мгла за спиной...

Поводырь глубоко вдохнул, заставляя смертный холод отступать и сжиматься до маленькой ледяной искорки в груди. По телу прокатилась теплая волна, разгоня застывшую кровь. Шири даже порадовался, что сейчас на дворе стоит несусветная жара, мигом вернувшая телу чувствительность.

Солнце вновь окрасило мир в живые цвета. Он потряс головой, избавляясь от противного звона в ушах – неизбежного явления после возвращения с Грани.

– Даені, ты все еще хочешь пить? Родник там. – Шири махнул рукой в сторону дерева. Мирный плеск воды казался чем-то потусторонним на залитой кровью поляне, напрочь отбивая желание к нему приближаться.

– Да нет, почему-то расхотелось уже, – зябко повела плечами Арьята. – Давай-ка уйдем отсюда поскорее... Э-э-э, и ребенка этого несчастного тоже заведи! – добавила она, наблюдая, как спутник цепляет на пояс меч и закидывает за спину пятнистый рюкзак, брошенный им при выходе на поляну.

Поводырь скептически посмотрел на распластанного перед ним юношу. Ему не очень-то хотелось связываться с человеком, способным разглядеть его на Грани. Это какими же ментальными способностями нужно обладать, что вот так запросто вывалиться из живого мира на черту между реальностями и накостылять, ну, или почти накостылять Поводырю Смерти по шее?

– Шири, не будь буквой, – с нажимом произнесла девочка.

– Ладно, ладно, даені, но в случае чего я снимаю с себя всякую ответственность! – мстительно проворчал он.

– Ты и так не слишком ею обременен, – фыркнула Арьята.

Он недовольно засопел, но все же поднял бездыханное тело на руки.

– Ты иди, я догоню, – напутствовала его девочка, вскидывая руки и заставляя землю расступиться под телами.

– Земля дала, земля взяла! – отрывисто бросила она, наблюдая, как смыкается дерн над погибшими...

Раскаленное солнце, перевалив через зенит, медленно и лениво ползло к горизонту, сменяя жаркий плавящийся день на не менее жаркий и душный вечер. Но кровожадным лесным комарам было, кажется, наплевать на духоту. Стоило дневному светилу откатиться к горизонту, как чувство голода выгнало маленьких кровопийц на охоту. Завидев бредущих к озеру усталых путников, оголодавшие комары накинулись на вожака добычу, за что немедля оказались вознаграждены громкими аплодисментами и ругательствами злого, измотанного Поводыря Смерти.

Когда они вышли на берег тихого лесного озера, Арьята уже едва переставляла ноги. Спеша убраться с памятной поляны, они так и не набрали воды. А несколько часов блужданий по лесу совсем измотали менестрельку. Шири тоже порядком устал. Его ноша, так и не соизволившая прийти в себя, уже изрядно оттянула Поводырю руки, и мужчина с облегчением бесцеремонно свалил паренька на расстеленный плащ.

– Вода! – жадно просипела Арьята, тыча пальцем в сторону озера. – Кто куда, а я купаться! – с этими словами, быстро стащив рубашку и шорты, девчонка бодрым шагом направилась к озеру. Гитара небрежно валялась на траве.

– Даені, ты так уверена в безопасности сих темных вод? – скептически осведомился Шири, поднимая инструмент и прислоняя его к стволу дерева.

– Плевать! – беззаботно откликнулась Смерть. – Русалки скорее предпочтут тебя, а кракену я на один зуб, не станет он размениваться на такую костлявую мелочь. Кстати, тебе бы тоже не помешало освежиться...

– Что за грязные намеки?! – насупился он.

– Это намеки на грязь, милейший... – рассмеявшись, девочка с визгом окунулась в нагретую за день воду.

Пробормотав что-то нелестное по поводу воспитания некоторых малолетних особ, Шири занялся костром. Через несколько минут вернулась Арьята, неся в свернутом листе